

Стрелецкий Н. А.

Краткий курс практических занятий по богослужебному чтению

**(учебное пособие для священников, диаконов,
алтарников, регентов, студентов семинарий и
духовных училищ)**

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ – 2

ЧАСТЬ 1. ДЫХАНИЕ И ЗВУК – 13

ЧАСТЬ 2. ДИКЦИЯ И КРУПНАЯ АРТИКУЛЯЦИЯ – 21

ЧАСТЬ 3. РАБОТА НАД ТЕКСТОМ – 24

1) ГРАММАТИКА И ЛОГИКА – 26

2) ГЛАВНЫЕ СЛОВА – 27

3) ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ И ПАУЗЫ – 29

4) ГОЛОСОВЫЕ АКЦЕНТЫ – 30

5) ЧТЕНИЕ И МОЛИТВА – 30

6) ЛИТУРГИЧЕСКИЙ РЕЧИТАТИВ И ИНТОНАЦИЯ – 34

7) ДЕЙСТВИЕ – 37

8) ТЕМП И РИТМ БОГОСЛУЖЕНИЯ – 37

9) ЧУВСТВО И ЧУВСТВЕННОСТЬ – 38

ПРАКТИЧЕСКИЕ СОВЕТЫ – 40

1. Отдельные советы священникам – 40

2. Отдельные советы диаконам – 43

3. Отдельные советы регентам – 44

4. Отдельные советы чтецам – 46

ЭПИЛОГ – 46

БИБЛИОГРАФИЯ – 48

Москва 2014

ВСТУПЛЕНИЕ.

“Церковное чтение есть искусство, имеющее свои предания, свои неписанные законы. Искусство, требующее и природного таланта, и многолетнего упражнения. Образовательное влияние его - громадно”.

С.А.Рачинский.

Досточтимые отцы, уважаемые диаконы, чтецы, регенты и певчие – клирики православной Церкви. К уму и сердцу каждого из вас обращен этот труд. К тем, кто по-настоящему любит, или хочет полюбить службу. Мы с вами должны крепко помнить, что наше, исконно русское каноническое церковное пение и чтение, не умерло, не устарело и не исчерпало себя, что оно и сегодня открывает широчайший простор творчеству и духовному возрастанию, - но, учитывая наличие привнесенной в XVII веке, во времена патриарха Никона, второй составляющей, имеет - иной вектор, требует внутренней духовной работы и главное - желания творить красоту не в произволе земной фантазии, а в отражении небесных архетипов. Поэтому предложенный здесь простой и краткий курс практических занятий - это реальная возможность восстановить в нашем сегодняшнем богослужебном процессе основное свойство отечественного канонического чтения и пения – его смысл, и этим вернуть церковному Слову его утраченное главенство. Здесь нет ничего нового. Наоборот, это - возврат к прежнему, живому опыту Церкви, ныне во многом забытому и оставленному. Это церковное Слово воплощено во всех, ежедневно используемых нами богослужебных текстах! Веками эти тексты совершенствовались, придя из древних практик Египетской пустыни, Иерусалимского храма, монастырей и храмов Византии - в Россию, и навсегда прочно прикипели здесь к русскому сердцу. Народ наш как малое дитя

берег эти сокровища, пронеся их через все искушения от еретиков и иноверцев. Сформировавшийся и приобретший черты самобытности, русский строй богослужений вобрал в себя молитвенный подвиг целых поколений святых мужей и жен. В те времена на наших службах царило выразительное по мысли и исконно русское звучание погласиц, - когда тексты произносились нараспев, с использованием мелодий гласов. Это выгодно отличало на слух Евангелие от Апостола, паремии от житий, псалмы от молитв.

Под сводами храмов звучали тончайшие мелодические интонации отечественного знаменного пения. Неповторимо отличали богослужения в разных храмах речевые мелодические импровизации. Это была эпоха расцвета русской духовной культуры.

Затем все изменилось. В наше богослужение, сломав рамки его древних канонов и традиций, и парализовав исконно русские формы церковного искусства, вторгся чуждый православию и русскому духу - "новый стиль". Его "творцы," - теперь не святители и преподобные, а светские, - зачеркнули богослужебный мелодический язык знаменного пения и чтения. Взамен, под видом естественной эволюции, они навязали русскому человеку западный партес, - многоголосное чувственное пение, вместе с которым в сердца россиян хлынул поток несовершенных и пагубных интонаций человеческих страстей. Погласицы, естественно, оказались ненужными. "Новый стиль" перекроил канонические тексты, сместил смысловые акценты, сделал нормой несоответствие музыкального материала - смыслу и слогу текстов и нанес непоправимый ущерб каноничности храмовых изображений и храмовой архитектуры. Так завершилась эпоха самобытного русского церковного искусства, называемая исследователями, - эпохой "поющего богословия". Несомненно, что своей молитвенной сосредоточенностью и богатым, высокохудожественным раскрытием догматического смысла вероучения, наше отечественное церковное искусство помогало верующим идти ко спасению.

Последовавшие за этим столетия только продолжили процесс утверждения “нового стиля”, а с ним и привнесенного в Россию западного образа жизни, который разделил дотоле цельную, органично-духовную жизнь народа, - на жизнь церковную и жизнь мирскую, и явился началом процесса всеобщего отступления от веры, закончившегося государственной и духовной катастрофой 1917 года.

Сегодня, спустя 100 лет, в наших богослужениях почти ничего не изменилось. “Новый стиль” за 300 лет прочно “освоился” в нашей церковной жизни и стал именовать себя традицией. Но мы знаем, что стараниями старообрядцев сохранены богослужебные тексты, использовавшиеся в богослужении в период расцвета русской духовной культуры, до патриарха Никона. Остались и передаваемые устно из поколения в поколение псалмодические и рассказные погласицы. Все более уверенно заявляя о себе, на смену партесному, принимается православными приходами отечественное знаменное пение. Многие священнослужители стали интересоваться богослужебными книгами, изданными до середины XVII века. По милости Господней, время постепенно ставит все на свои места. И как бывает полезно человеку, прожив определенный период жизни, остановиться, чтобы оглянуться на прошлое, так и нам с вами, имеющим прямое отношение к православным богослужениям, можно подвести некий итог их качественному состоянию на сегодняшний день. В этом нам может помочь практический анализ состояния церковной речи и пения, проведенный в 150 храмах и монастырях России (из них 95 в Москве) за период с 1995 по 2009 год, в результате которого можно сделать следующие выводы:

1. Практически во всех храмах, хотя и в разной степени, церковно и священнослужителями при произношении игнорируются знаки препинания. Слова произносятся зачастую слитно, без коротких пауз–цезур.
2. Логические акценты в текстах, произносимых священниками, диаконами и чтецами, в основном, - отсутствуют. Их

заменяют случайные голосовые ударения, которые ставятся часто произвольно, а иногда и вопреки смыслу.

3. Евангелие, Апостол, проповеди, возгласы, ектеньи, псалмы и молитвы священно и церковнослужители часто произносят “под себя”, не звучным голосом, а - говорком, с мелкой, бытовой артикуляцией, неразборчиво по мысли, неясно по дикции. Из-за этого даже близко стоящие не могут разобрать большую половину слов. За редким исключением, церковная речь повсеместно звучит как уличный диалект, редуцируя (меняя) гласные, особенно “о” и “е”.

4. По стилю произношения торжественные праздничные службы ничем не отличаются от будничных. Также и произношение Евангелия и Апостола не отличается по своей манере от произношения псалмов и молитв.

5. Храмы, по своей архитектонике, обычно имеют идеальную акустику. Невладение служителями правильной постановкой голоса и артикуляцией, обеспечивающих полетность звука и отчетливость речи в больших аудиториях, - приводит к радиофикации храмов, становящейся уже повсеместной. Этот разрушает естественную природную ориентацию человека в пространстве, превращая живое слово в некое виртуальное действие, в основе своей - условное. Слыша микрофонный, а не живой голос, (к тому же исходящий явно не из всеми видимых уст говорящего, а откуда-то со стороны), - прихожане вынуждены принимать эту условность, - но подсознание, эта святая-святых, по закону психологии ее не принимает.

6. Священство, диаконство и уставщики во время служб часто заботятся о скорейшем окончании их. Поэтому службы, особенно вечерние, - сокращаются, иногда невзирая даже на протесты прихожан. По этой же причине служащие, - священники, диаконы и чтецы произносят богослужебные тексты настолько быстро, что смысл произносимого уже не успевает доходить до сознания.

7. Певчие также заботятся, в основном, о скорейшем окончании службы. Не будучи ориентированы регентами на отчетливую, крупную певческую артикуляцию, они выпевают только ноты, не заботясь о четком произношении слов. Это относится абсолютно ко всем хорам. А ведь пению отведена большая часть времени в богослужениях.

Главное же, что явно бросается в глаза, – это искажение или полное нивелирование мыслей, заложенных в богослужебные тексты их авторами, возведенное теперь церковнослужителями в общецерковную норму и воспринимаемое прихожанами как нечто законное.

После служб чтецам, певчим, диаконам и священникам обычно задавались вопросы с просьбой объяснить причину происхождения различных недостатков в их манере и стиле произношения и пения, на что были получены ответы, наиболее характерные из которых размещены здесь.

ОТВЕТ №1: “Нас так учили”.

КОММЕНТАРИЙ: До некоторой степени так оно и есть на самом деле. Сегодня в духовных учебных заведениях России нет профессионально преподаваемого предмета “техника богослужебного пения и чтения”, который бы включал в себя все, начиная от дыхания и звука, и заканчивая логичностью, разумностью и осмысленностью церковной речи, а главное - состоял бы исключительно из практических занятий. Есть только вокал и частные, как правило непрофессиональные, замечания о чтении со стороны регентов. Но ведь первое, с чем священник или диакон выходит к народу в храме, - это не со своим духовническим или богословским багажом, а с четким – или, наоборот, невнятным; разумным - или лишенным смысла - произношением!

ОТВЕТ № 2 : “Это - святоотеческие традиции”.

КОММЕНТАРИЙ: О какой святоотеческой традиции сегодняшнего, не выражающего смысл, монотонного

произношения псалмов, молитв, ектений и проч. может идти речь, когда корнем традиции церковного произношения в России издревле были литургический речитатив и погласицы, - осмысленное, акцентуированное произношение богослужебных текстов на мелодические рисунки гласов, когда и священнослужители, и чтецы, и певчие могли объяснить, что такое - знамя, крюк, столпица, змейца, стрела и крыж, и «с листа» пропеть фразу с обозначениями: - “стрела мрачная или светлая, крыж, челюстка, сорочья ножка” ?

ОТВЕТ № 3: “Мое чтение - каноническое”.

КОММЕНТАРИЙ: Канон - церковное установление Апостолов и Вселенских Соборов, - о вере и церковных обрядах. В “Книге Правил св. Апостол и Вселенских Соборов” нет ни одного установления о критерии чтения богослужебных текстов.

ОТВЕТ № 4: “Читать нужно без пауз, чтобы не вклинился враг и этим не прервалась бы молитва”.

КОММЕНТАРИЙ: Практикующим такое произношение хочется напомнить, что православное богослужебное чтение - это молитва, а не мантры или заклинания, смысл которых в непрерывном механическом повторении. Паузы же – это элементарное и необходимое соблюдение знаков препинания, которыми изобилуют все богослужебные тексты. Они нужны для отделения мыслей - одной от другой, иначе получится каша из слов и бессмыслица, в результате которой ум не сможет внимать словам молитвы (как к тому призывают и святые отцы) - и “вклинятся” вражеские помыслы.

ОТВЕТ № 5: “Читать нужно без пауз, потому, что так писали, а значит - и произносили, древние. Посмотрите на непрерывную древне - славянскую письменную вязь

КОММЕНТАРИЙ: Что касается древнеславянской вязи, - это явление уникальное, связанное, преимущественно, с применением ее для декорирования колоколов или колонн, где иногда по кругу, в одной строчке, - необходимо уместить целый

рассказ. В России до XVI века писали слитно, без интервалов (не нужно путать с вязью), - пользуясь уставным и полу-уставным письмом. Этот способ письма, - непрерывный, без промежутков между словами, - серьезно затруднял богослужбное чтение и требовал от служителя, по свидетельствам историков, значительного искусства и интеллектуального развития. Впоследствии, по примеру западного письма, взявшего свое начало от английских монастырей, где около VIII – IX веков появилось раздельное письмо, - в России также стали писать раздельно. Очевидно, что развитие письменности было продиктовано необходимостью передачи все усложнявшихся понятий как в частной переписке, так и в деловых бумагах. Появилась необходимость в более гибком и разнообразном построении предложений. Это вызвало появление интервалов, разделяющих слова, - что отразилось и в богослужбных текстах. Поэтому проводить параллели между звучанием речи, как результата сложного мыслительного процесса - с письмом, являющимся по отношению к нему всего лишь знаковой системой фиксации речи, - неправильно.

ОТВЕТЫ №6: “Следует читать ровно, монотонно, без всяких интонаций, т.е. повышения или понижения голоса, - т.к. это передает личные переживания и чувства читающего. Дух Святой – Сам положит на сердце слушающего, как нужно” и “Слово Божие само по себе настолько свято, что не нуждается в дополнительной выразительности. “

КОММЕНТАРИЙ: Говорить совершенно ровно и монотонно может только робот. Если запишем на магнитофон чтение самих выразителей данного мнения, то обязательно обнаружим в их произношении те же интонации, но только сделанные, как правило, спонтанно, а значит – вразрез смыслу произносимых слов. Интонации же, т.е. незначительные, как мы уже говорили, повышения и понижения звука, - это основное свойство древних распевных погласиц. Именно интонации определяли характер мелодики и выражение смысла древнерусских распевов и были основой церковных песнопений всех видов: – малого знаменного

распева, осмогласной псалмодии, подобнов, осмогласия столпового знаменного распева.

Когда же речь заходит о личных переживаниях и чувствах, - то если чтец, диакон или священник, произнося положенное по службе, не будет ему внимать, а значит – и переживать, т.е. проживать произносимое, - он не выполнит своего долга церковнослужителя, т. к. его чтение окажется мертвым, не будет живой молитвы, - что мы и видим сегодня практически в каждом храме. Другое дело выражать свои собственные эмоции, это – недопустимо! Церковному чтению всегда чужда была “чувственность”, т.е. произвольное привнесение служителем своих эмоций. Но противоположностью этому является отнюдь не монотонность, - а правильная расстановка логических акцентов и интонаций. В третьей части данного курса даются для этого специальные приемы. Но эти приемы, нужно заметить, совершенно недействительны и мертвы без живых человеческих чувств. Ведь всем известно, что без чувства - благодарности, раскаяния, сожаления, трепета, умиления, радости или других чувств к Богу – молитвы нет. Более того, по словам свт. Феофана Затворника, само чувство ко Господу, хотя и без слов, - уже есть молитва! - поэтому очень важно отличать чувства от эмоций. О том же, что только Дух Святой (без участия служителя церковного, которому это положено по уставу) должен донести до ума и сердца прихожан все, произносимое в храме, - мы ни в Священном писании, ни в Предании Церкви, ни в святоотеческих наставлениях ничего не найдем. Зато о требовании именно к церковным служителям умело доносить до молящихся смысл слов молитв и псалмов - написано немало:

“В древней Церкви от служителя требовалось умение передавать содержание читаемого и произносимого. Согласно источникам, характеризующим церковное чтение в Древней Руси, Русская Церковь всегда стояла за внятное, разумное произношение. Пастырь не должен забывать, что в этом серьезном деле он сам должен показывать пример. Часть церковного чтения он должен брать на себя. Например, читать шестопсалмие, каноны и другие

МОЛИТВОСЛОВИЯ.”

(Богослужение в православной церкви. ч.2.)

“Если в церкви идет чтение толковое и выразительное, то в храме царит строгий порядок и тишина, молящиеся чрезвычайно внимательно относятся к читаемому, и молитвенное настроение их настолько возвышается, что они положительно забывают о всех житейских делах и, несмотря на то, что служба продолжается иногда несколько часов, не замечают и не чувствуют никакой усталости. Совершенно обратное действие производит на предстоящих в храме чтение неотчетливое, невыразительное, подчас безграмотное. Слушая такое чтение, молящиеся невольно начинают зевать, переминаясь с ноги на ногу, а некоторые и прямо уходят из церкви, не дождавшись конца службы.”

“Всякое чтение, а тем более чтение церковно-славянское требует понимания читаемого; только в этом случае оно может быть осмысленным и в состоянии овладеть вниманием слушателя и возбудить в нем соответствующие чувствования и сердечные расположения.”

“Пастырский собеседник.” 1900 г. №7

“И вот, если чтение наших псаломщиков не приближено к слуху народа; если в нем слышится один только непонятный гул и можно различать лишь главные и повторяющиеся слова, наконец, если в чтении нашем нет уместных остановок, правильных ударений и осмысленных изменений голоса: что же тогда поймут предстоящие из всего нашего богослужения? Так ли псаломщики и о.о. дьяконы должны выполнять свое важное назначение: «Чтением и пением частью назидать предстоящих в

храме и располагать народ к усердной молитве»? Если бы мы и сами-то не допускали в своих возгласах, а также при чтении Евангелия и молитв, усыпляющей монотонности, напротив – произносили бы всё это с выражением? В таком случае наше церковнослужение, по силе той благодати, которая сокрыта в нем, гораздо более действовало бы на народ; тогда грешник, стоя в церкви, чувствовал бы, что он пришёл в другой мир, где ему дышится свободнее.”

Прот.Евгений Попов.

“Существенное свойство разумного чтения определяется логическим ударением, которое должно делаться на главной мысли в читаемом вообще, и, в частности, в каждом предложении.

РУССКИЙ ИНОК № 43, ОКТЯБРЬ 1911 г.

И таких примеров великое множество, и все они сходятся, по сути, в одном: слова церковные должны выражать мысль!

Размышляя обо всем этом, невольно приходишь к мысли:

- сегодня, среди подавляющего большинства населения России, - крайне редко встретишь человека, никогда не бывшего в храме.

Так почему же эти миллионы людей, в детстве благополучно крещеных, раз или два бывших в храме, - больше туда не ходят?

Ведь они сделали свой первый шаг, - пришли раз, а может – и два, и три! Почему также и наши прихожане, постоянно ходящие в храм, остаются на службах безучастными к ним, испытывая скуку, и подсознательно дожидаясь скорейшего окончания их?

Отговорки: “Народ не понимает, потому что ленится полистать церковно-славянский словарь,” – несостоятельны! Тем более, что весь обиход, если его со смыслом и отчетливо произнести и пропеть, - абсолютно понятен.

“Слушая невыразительное чтение и пение, молящиеся невольно начинают зевать, переминаясь с ноги на ногу, а некоторые и

прямо уходят из церкви, не дождавшись конца службы. Как после этого мы будем предлагать им на исповеди вопрос «о рассеянности во время богослужения», - если сами к тому подавали повод? “

Прот.Евгений Попов. “Пастырский собеседник”

И страдает от этого не только паства, но, в первую очередь, - сами служащие, испытывающие от служения не удовольствие и радость, а влача его, как ярмо.

После повального отступления от Бога и последовавших за ним 100 лет безбожной жизни, - нам сегодня, милосердием Господним, дана возможность - служить, наставлять паству, строить храмы. Сейчас – НАШЕ ВРЕМЯ! Время - НАШИХ СЛУЖБ, НАШИХ ПРОПОВЕДЕЙ!

А посему постараемся понять, что сама жизнь Церкви требует кардинального изменения отношения служащих и певчих к выразительным свойствам церковного Слова: знаменное исполняется на службе пение или партесное - оно должно быть предельно ясно и отчетливо пропето! Дикция у певчих должна быть “алмазной”, без потери даже одной гласной или согласной, ибо это – уже потеря Слова. Речь же, произнесенная читком или погласицей, - должна быть правильной по звучанию, предельно четкой по артикуляции и максимально выражающей смысл! Это вытекает из всей практики отечественного богослужения, относится абсолютно ко всем служащим, от чтецов и певчих - до священства, и только это дает моральное право принимать участие в богослужениях.

Овладение техникой выразительности церковной речи является темой третьей части данного практического курса.

Сам курс предельно прост, доходчив и состоит всего из трех частей:

Первая, “Дыхание и звук”, - учит правильному дыханию, звукообразованию и голосоведению во время речи и пения;

Вторая, “Артикуляция”, - объясняет принципы правильной артикуляции при пользовании ею в больших помещениях и на большой аудитории;

Третья, “Работа над текстом”, - знакомит с осмысленным произношением богослужебных текстов, применяя при этом святоотеческое наследие.

Подытоживая все вышесказанное, мы имеем все основания утверждать, что речь православных богослужений – это разумная человеческая речь, - интимная, самоуглубленная, поэтичная, обладающая всеми свойствами единства языка и мышления, с присущей им необыкновенной широтой охвата явлений. Эта речь, безусловно, отражает логику последовательности и взаимозависимости событий, действий и поступков, - и требует сосредоточенной связи молящихся с Богом.

Понимая и принимая это, - каждый из нас имеет серьезное основание для пересмотра своего отношения к службам. Вглядимся не равнодушно, а с сочувствием в лица людей, которые приходят в наши храмы в поисках Истины - и поможем им услышать и понять все то, что произносится и поется в них! Это – наша священная обязанность, это наш долг перед Богом и людьми, и это же, в конечном счете, наше с вами миссионерство, к которому призывает нас Святейший патриарх Кирилл.

ЧАСТЬ 1. ДЫХАНИЕ И ЗВУК.

Всем известно, как устроены легкие в нашем теле. Вверху, начиная от бронхов, они узкие и расширяются книзу. Ребенок, рождаясь, дышит правильно, - т.е. полным дыханием, когда воздух заполняет сначала нижнюю часть легких, затем среднюю и, наконец, верхнюю. У маленьких детей это происходит

от природы автоматически. Однако около 2-3 лет ребенок уже начинает говорить, и чем дальше,- тем больше. Здесь процесс правильного дыхания начинает нарушаться. Ребенок хочет высказать уже многословную мысль, он торопится и начинает “перехватывать” дыхание. А этот “перехват”, по сути, уже не полный, привычный и глубокий вдох, а - короткий, маленький, и только - в верхнюю часть легких. Ну, а дальше,- хуже. С каждым днем все больше игрушек, информации и тем для разговора, - друзья, телефон и т.п. Ребенок отвикает от правильного, глубокого вдоха! В прежние времена людям некогда было много разговаривать,- и дети и взрослые были постоянно заняты физическим трудом и дышали правильно. В наше время ситуация совершенно другая. Узнайте объем ваших легких. Против положенных шести литров они меньше, минимум, втрое. Море информации, - те, кто любит поговорить, а с ними и люди определенных «разговорных» профессий,- учителя, преподаватели, и т.д. - дышат, как правило, не полным глубоким дыханием, а только «перехватывают». Работа (или привычка) диктует необходимость высказать свою мысль до конца, не прерываясь, - а воздуха не хватает, объем легких маленький. Начинает напрягаться гладкая мускулатура бронхов, а затем – гортань. И вот уже звук получается неполноценный, “горловой”. Дальше напряжение мышц гортани приводит к неправильному смыканию голосовых связок, преждевременному износу слизистой на них. Отсюда всякие призвуки в голосе,- сипы, хрипы, “трещинки”, искажения природного тембра голоса. Голос часто

делается глухим, сиплым, дребезжащим. А послушать бы этого взрослого человека, когда он был еще младенцем 2х лет? Голосок был чистый и звонкий (если, конечно, не успел к этому времени его “накричать” во время какой-нибудь болезни).

Итак, - дыхание! Его легко можно исправить. Для этого нужно делать утром и вечером одно, очень простое, упражнение, а в течение дня - контролировать свое дыхание, хотя бы во время ходьбы. Перед тем, как сделать это упражнение, нужно научиться

делать полный вдох и полный выдох. Встаньте прямо, лучше спиной к стене, прикасаясь к ней, по возможности, всем телом. Руки по швам. Поднимите плечи вверх, затем отведите их назад и там опустите вниз. Вы достигли правильного положения тела. Сохраните его во время всего упражнения. Теперь выдохните полностью весь воздух из легких. Далее, не вдыхая, расслабьте мышцы живота и тут же начните полный вдох, сначала в самую нижнюю часть живота, а затем постепенно наполняя легкие доверху. В результате вы полностью наполнены воздухом, грудь ваша поднята. Теперь выдыхайте, но выдыхайте по принципу выдавливания пасты из тюбика - сначала из нижней части живота (при этом грудь должна быть поднята и наполнена воздухом), затем из средней (грудь еще поднята), а затем из верхней части груди и грудь опустилась. Все! Воздуха в вас нет, как было и в начале упражнения. Живот после выдоха как бы прилип к позвоночнику. На три секунды, чтобы не было переизбытка кислорода, замрите так и не вдыхайте. Затем снова расслабьте мышцы живота и начинайте полный вдох. И так несколько раз, пока не зафиксируете всю последовательность. Этот процесс, глубокий вдох и полный выдох, дан нам от природы Господом. За ним нужно следить с утра до вечера, во время хотьбы или покоя, пока это не войдет в привычку. Это быстро, от недели до двух-трех. И тогда мы будем пользоваться этим дыханием - автоматически, - когда идем, лежим, бежим, говорим или поем. Только после того, как вы освоили технику полного вдоха и полного выдоха, можно приступать к выполнению упражнения, т.к. само упражнение делается на их основе.

Упражнение: Встаньте прямо, сделайте полный вдох. Затем, плотно сжав губы, делайте полный выдох, но не плавно, - а мощными, резкими и очень короткими толчками, притом с ускорением. Этот выдох «толчками» и с ускорением напоминает начало движения старинного паровоза, а сила выдоха такая, как будто вы хотите задуть горящую свечу. При этом щеки, так же как и губы, прижаты к зубам, а не надуваются в момент резких выдохов. В течении всего полного выдоха этих толчков будет

около 10. Как только вы почувствуете, что последний воздух «вытолкнут», - сразу расслабьте мышцы живота и снова глубоко вдохните. Затем снова выдох толчками, напоминая – с ускорением! Таких повторений (вдох-выдох) нужно делать утром, до еды, 10 – 20 раз; днем, до еды, 10 – 20 раз; вечером, до еды, 10 – 20 раз. Это упражнение хорошо вентилирует легкие (постепенно увеличивая их объем), усиливает мышцы вдоха и выдоха (что очень важно для нас), увеличивает голосовую щель при коротком вдохе во время чтения или пения (что нам необходимо), поразительно улучшает наше здоровье и общее состояние, т.к. диафрагма, движущаяся во время именно полных вдохов и выдохов, приносит неоценимую пользу организму, массируя наши почки, печень, желудок, селезенку и все, что находится в животе, ниже легких. При обычном, поверхностном вдохе и выдохе, этого не происходит. Упражнение это желательно делать в течение всей жизни.

Теперь, после того, как мы освоили полный вдох и полный выдох, - можно приступить к освоению правильного звучания голоса. Но сначала тем из нас, кто раньше занимался вокалом, необходимо освободиться от разного рода «вокальных» советов и наставлений, типа: «Опусти гортань», «Подними небо», «Посылай звук в маску» и т.д. Все эти наставления многих учителей пения неосмотрительно, без разумения взяты ими из практики великих учителей прошлого. Например, знаменитый Гарсия предложил ученику (возможно, только один раз, чтобы хоть как-то раскрыть тому гортань),- почувствовать, что у него во рту горячая картошка. А горе - последователи, не разобравшись, возвели эти наставления в некое правило, рекомендуемое ими всем подряд. К этому относится и пресловутый «зевок». На самом деле все гораздо проще. По законам физиологии, данным Господом нашему телу, звук рождается смыканием голосовых связок во время выдоха. Звук этот находит свое окончательное завершение, достигнув крайней точки своей резонанции у зубов и десен верхней челюсти. Гортань же открывается в большей степени тогда, - когда наша голова немного приподнята вверх, как будто мы стараемся увидеть что-то через головы впереди нас стоящих

(не зря утопленникам запрокидывают голову назад, чтобы через открывшуюся гортань вода вышла из легких). Посмотрите также фотографии знаменитых итальянских певцов во время пения, - вы увидите, что во время пения смотрят они на нас, слегка подняв голову, и рот их открыт в небольшой улыбке, дающей, как показал опыт, дополнительное освобождение гортани от зажимов и приближающее звук. Педагоги также часто дают задание ученику: “Ты должен чувствовать вибрацию в груди! (или во лбу, или в районе гайморовых пазух)”. Это неверно. Вибрацию звука каждый человек чувствует индивидуально, в зависимости от того, как он устроен: если у человека широкая, высокая грудь, - он может чувствовать вибрацию в груди, тогда как у худощавого человека, с вытянутым лицом и немного выпуклым лбом вибрация может ощущаться во лбу или под глазами, в области гайморовых пазух. Может быть и все наоборот. Окраска тембра голоса также у всех разная, и, по утверждению ученых-анатомов, она зависит от характерных волнообразных линий на костной поверхности верхнего неба.

Но вернемся к нашей теме. Выходит, что звук - невозможен без выдоха, и мы должны петь совершенно так же, как и говорим, т.е. естественно, не опуская специально при этом гортани или не поднимая специально мягкого неба. Об этом говорил великий русский певец Ф. И. Шаляпин: “Голосовые связки - как струны скрипки. Дунь на них, и они зазвучат.” О том же говорят и многие певцы, имеющие пресловутую “итальянскую” школу, - “Пой, как говоришь!” Тогда, скажете вы, если все так просто, - почему многие, имеющие голос, все-таки петь не могут? Что им мешает? Многое. Могут мешать те недостатки, которые либо сопутствуют им с рождения, либо были приобретены ими в течение жизни, - неполное и слабое дыхание, зажатость мышц шеи, привычка не открывать как следует при пении нижнюю челюсть и т.д. Улучшить или “поставить” голос можно, - но только вернувшись к своей природе и устранив эти недостатки. В любом случае, в каком бы состоянии не находился ваш голос, - вам лучше всего начать с самого начала, чтобы дать ему правильную основу и устранить даже случайные сопутствующие

помехи.

Итак, - мы начинаем наше первое занятие для обучения правильному звукообразованию. Будьте очень внимательны и точны в исполнении. Лягте на пол, что-нибудь подстелив, - но не на мягкий матрац и без подушки. Легли. Ноги вытянуты. Руки вдоль туловища. Расслабим наше тело, начиная с кончиков ног до головы. Рот закрыт. Дышим спокойно, через нос. Полежав так с минуту и расслабив мышцы всего тела, зафиксируем эту свободу и попробуем, вдохнув,- начать легкий выдох через нос, продолжив его тихим звуком, напоминающим стон. Кстати, у итальянских учителей вокала, этот звук на выдохе с закрытым ртом так и называется - «стон». Итак, сначала, - выдох, а потом, как продолжение его, - звук. Назовем этот звук - немой звуком. Полежим в течение нескольких минут и повторим эти выдохи с немой звуком, похожим на стон. Рот, как мы и условились, - закрыт. При этом нашей главной заботой будет: сохранить состояние полного расслабления мышц шеи, не допуская их зажима, сохранить обязательно выдох, активный, но без напряжения, и главное, - запомнить на слух этот немой звук. Почувствовав, что во время звучания немого звука на выдохе шея наша свободна, можно – сесть, или даже – встать, и продолжать делать этот звук - сидя или стоя, строго следя за сохранением свободы шейных мышц. Первое время протягивать немой звук нужно на удобной для нас высоте звука, не напрягаясь, где-то на серединке, или, как принято говорить в вокале,- «в среднем» регистре. Когда мы научимся тянуть немой звук на правильном выдохе, - можно расширить диапазон, опускаясь вниз или поднимаясь вверх на один-два тона, но очень, очень постепенно. Освоив диапазон в три-четыре тона, можно пропевать простые отрезки мелодий немой звуком хоть весь день, - делая, конечно, перерывы,(и не на холодном воздухе). При этом внимательнейшим образом следить за тем, чтобы немой звук всегда предварялся выдохом, т.е. чтобы сначала начинался выдох, а потом только, как его продолжение, начинать звук. Выдох в данном случае как бы показывает дорогу звуку. Запоминаем при этом на слух свой

немой звук, – каков он. Вообще всем, занимающимся этой простейшей и точной методикой постановки голоса, нужно помнить, что главное здесь, - это слуховой контроль! Заключается он в том, чтобы, привыкнув к немому звуку, звучащему под носом, на верхних передних зубах, и крепко запомнив его на слух, - говорить или петь, копируя свой немой звук. Это – основа метода постановки голоса. Это касается и говорящих и поющих в равной степени. Автор однажды задал вопрос одному молодому, но быстро набирающему известность, певцу,- у кого он учился, что так хорошо и правильно звучит его голос? На что певец ответил: "Я его (т.е. голос) в армии "намычал". То есть, во время службы в армии, имея достаточно времени, этот юноша очень часто "мычал", т.е. на выдохе тянул этот самый немой звук, напевая им разные мелодии. Так прошло два года. От постоянных упражнений голос привык к своему "месту", т.е. свободному, ненапряженному звучанию на хорошем, упругом выдохе и теперь стал звучать правильно на всех гласных и на протяжении всего диапазона. Другой известный певец, народный артист, приехав из Италии, где он совершенствовал свой голос у известного педагога, - сказал автору: "Удивительно, - как у них все просто! Выдох - и немой звук!" (и тут же показал: "хм"). Знаменитая кубинская оперная певица почти слово в слово сказала то же самое. Московский педагог, с успехом занимавшийся вокалом с известными советскими кинозвездами в театре – студии Киноактера, также пользовался этим приемом, и результаты были просто удивительны,- обычные актеры, не вокалисты, - пели в музыкальных спектаклях настоящие вокальные партии в сопровождении небольшого симфонического оркестра, без микрофонов! Весь этот опыт подтверждает предельно простые и легко постижимые правила естественного принципа звукоизвлечения, свойственные этому методу. Конечно, в нашем случае, когда служащим (не певчим) обычно приходится говорить или читать на одной-двух нотах,- все гораздо проще, и упражняясь - не надо ждать годы. А вот певчим нужно упражняться этим звуком постоянно, начиная распеваться именно с него. Когда навык звучания немого звука будет усвоен,

(это может быть и через 3-5 занятий, а может быть и гораздо дольше), - можно перейти к напевному чтению, но пока на одной ноте. Делать это нужно следующим образом: возьмем какой-нибудь текст, например - псалом. Вначале выполним простое упражнение: взяв дыхание, начнем выдох, продолжив его немой звуком с закрытым ртом. Протянув немного этот звук, и не прерывая его, - откроем рот, продолжая звучание немого звука. Получается, что мы мычим тем же немой звуком, но уже с открытым ртом. Теперь пойдём дальше: попытаемся, раз уже рот наш открыт и тянется немой звук, - произнести первую фразу какого-нибудь псалма, лучше – всем знакомого, покаянного, 50го, « Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое», произнося текст губами и языком, - но только (внимание!) - на продолжающемся звучании немого звука! Если мы посмотрим на себя в зеркало, то увидим, что губы и кончик языка наши произносят слова, а звучит не обычный наш голос, а немой звук. Мы увидим наши губы и язык, крупно и отчетливо произносящие слова, а слышим только свой непрерываемый немой звук. Повторим таким образом эту фразу несколько раз, пока это станет для нас привычным. А теперь, взяв дыхание, снова начнем на мычании проговаривать эту фразу : « Помилуй мя, Боже, дойдя, не прерываясь, только до слова «множеству»; но, произнеся на мычании слово «множеству», - вдруг, внезапно, именно - внезапно, на слоге «ще» слова «щедрот» - переходим на обычный голос!!! и дальше все окончание фразы : «щедрот Твоих очисти беззаконие мое» - произносим обычным голосом! Вы понимаете? Весь фокус в том, чтобы перейти с мычания на обычный голос – ВНЕЗАПНО! Тогда мы не успеем ничего испортить, но с мычания мгновенно перейдем на свой природный голос, который нам дал Господь Бог ! Этому способствует и согласная «щ» в слове «щедрот», т.к. на шипящей «щ» мы больше выдыхаем воздуха. И вот таким образом будем переходить с мычания на обычный голос до тех пор, пока не привыкнем слышать свой, теперь природный, естественный голос, который может (!) показаться

нам незнакомым, или непривычным! И это вполне закономерно и естественно. Времени этот творческий процесс может занять и мало, и много, - в зависимости от способностей человека, от его целеустремленности, терпения, и наличия так называемого вокального слуха, - который, впрочем, можно развить.

Итак, все занятия сводятся к тому, чтобы научиться производить на выдохе немой звук, а затем, хорошенько запомнив его на слух и усвоив, - научиться копировать его голосом, сохраняя все исходные позиции, - свободу мышц шеи и выдох! Как видите, все предельно просто. Этот метод правильной постановки голоса блестяще подтверждался при занятиях со священниками, диаконами, чтецами и с самими поющими регентами, часто повергая в удивление присутствующих - тут же, сиюминутно получающемся хорошим результатом.

В конце еще и еще раз напомним, что всем, занимающимся этой простейшей и точной методикой постановки голоса, нужно знать, что главное здесь, - это слуховой контроль! Запомним эту формулу последовательности всего процесса: **ВЫДОХ – НЕМОЙ ЗВУК – ГОЛОС !**

ЧАСТЬ 2.

ДИКЦИЯ, КРУПНАЯ АРТИКУЛЯЦИЯ, АКУСТИКА И РАДИОФИКАЦИЯ ХРАМОВ.

Своеобразным эпиграфом к этой части может послужить один, чисто психологический, факт: настоятелям, которым по долгу службы вменено контролировать весь процесс богослужений, “не режет ухо” невнятное по дикции чтение и пение по той простой причине, что они знают обиход наизусть, и поэтому кем-то неявно прочитанное и спетое (кроме явных, “режущих ухо”, речевых дефектов) восполняется в их подсознании - собственными привычными знаниями текстов.

Поэтому помочь настоятелю разобраться, кто и как у него читает и поет, может только тот, кто текстов служебных на память - не знает.

Служители в храме чаще всего стоят к молящимся спиной и лицом к алтарю. Звук в этом случае, вылетая из уст говорящего, сначала рассеивается, а затем, ударившись об алтарную преграду, отражается от нее - влево, вправо, вверх и вниз, и возвращается в зал, к молящимся, - уже искаженным. А теперь внимательно посмотрим на себя со стороны, во время службы. Как движутся наши губы и язык? Есть ли разница в их движении во время служб и в обыденной жизни? Мы сразу увидим, что разницы никакой нет. **А она должна быть!!** В обыденной жизни мы ведь не разговариваем с людьми, стоящими от нас на расстоянии 30 – 50 метров, да еще **стоя к ним спиной?** А в храме? Да еще не маленьком, - сзади нас 400-500 человек, а то и больше. Да зимой, когда все в пальто, которые сильно заглушают звук. Можно подумать: -“ Ну, скажу погромче, - услышат!” Да, - услышать-то, может быть, и услышат, а вот разобрать, - вряд ли! Звук будет слышен, а слова, из-за рассеяния и отражения нашего голоса, - будут нечетки или совершенно неразличимы вследствие модуляции и дифракции звука нашего голоса (изменение траектории и рассеяние звуковой волны, закон акустики).

А теперь давайте вспомним Демосфена, знаменитого древнегреческого ритора. Афиняне в его время были очень избалованы по отношению к ораторам. От ритора требовались не только правильная передача внутреннего содержания, но и сильный, мощный голос, отточенная дикция. Между тем Демосфен от природы был косноязычен, имел слабый голос, короткое дыхание и пр. Настойчивостью и упорством он преодолел все эти недостатки. Он учился ясно и четко произносить слова, набирая в рот черепки и камешки, и произносил речи на берегу моря, при шуме волн, заменявших в данном случае шум толпы. Это трудно. Язык и губы быстро устают, но зато с каждой тренировкой становятся крепче и крепче (Автору этого курса, в прежние годы работавшему

диктором Центрального телевидения, на себе пришлось испытать действие данного способа, и он принес большую пользу). Демосфен, выступая перед толпой, наверняка старался говорить, мысленно обращаясь не к находящимся прямо перед собой, а к стоящим в самых последних рядах (чего очень не хватало нашим батюшкам, произносящим проповеди). Тогда не было микрофонов и говорили, как правило, на открытом воздухе. Теперь представьте себе, что звук, вылетающий из уст, имеет определенный угол рассеяния. Стоящие прямо перед вами, и немного левее, и немного правее, - еще слышат и понимают вас. А уже стоящие совсем с боков звук - слышат, но слов - не понимают. Демосфена же, по словам очевидцев, и слышали и понимали все, стоящие на площадях. Почему? Потому, что он, наверняка, пользовался крупной артикуляцией. Стараясь с камнями во рту четко произносить слова, он вынужден был как следует открывать рот, преувеличенно крупно произнося гласные и, соответственно, сильно и упруго – согласные. В результате получались не мелкие, “разговорные,” движения губ и языка, - когда, глядя со стороны на говорящего, по их движениям ничего не разберешь, а - четкие, крупные гласные и согласные, которым и нас с вами, с незапамятных времен, учили в детсадах и в первых классах. Если представить себе, как же мы должны говорить в храме, - то, без сомнения, придем к выводу, что в храме мы должны говорить, читать и петь так, чтобы нас, только по движениям наших губ и языка мог, даже издали, легко понять человек не слышащий, т.е. глухой. Вот тогда-то слова наши, сказанные крупной, отчетливой артикуляцией, хоть и рассеются и отразятся от алтарной преграды, - но непременно сохранят необходимые свойства быть различимыми и понятыми! В Оптиной пустыни (как, впрочем, и в других местах) во время занятий с братией, - это убедительно подтверждалось. Сегодня же мы имеем такую картину: невладение служителями техникой голосообразования и произношения в больших аудиториях, обеспечивающей силу звука и отчетливость речи, приводит уже повсеместно к радиофикации храмов. Этот процесс, в конечном счете, крайне вреден для богослужений, т.к., разрушая

природную ориентацию человека в пространстве, превращает живозвучащее слово в некое виртуальное действие, в основе своей – условное. Слыша микрофонный, а не живой голос, (к тому же исходящий явно не из семи видимых уст говорящего, а из разных точек храма), - прихожане вынуждены принимать эту условность на уровне подсознания. Дальше эта условность, следуя законам психологии (где подсознание знает одну только правду, лишенную уловок, свойственных сознанию), - легко переходит на все то, что они слышат в храме, - включая, естественно, и Евангелие, внося затруднение в восприятие. И снова об артикуляции. Упражнение на крупную артикуляцию очень простое, но требует терпения. В келии или дома нужно взять небольшое зеркало и перед ним проговаривать все то, что приходится говорить или читать в храме, следя за тем, чтобы рот очень хорошо открывался и были отчетливо ясны и понятны гласные и согласные, произносимые губами и языком.

Заниматься можно и без голоса, молча.

Так же полезно набрать в рот мелкой гальки, 3-4 камушка, не острых, а округлых, - и стараться четко проговаривать то, что приходится читать или произносить в храме, - сначала медленно, а в дальнейшем - ускоряя, насколько это возможно. Упражнения с камешками нужно делать ежедневно по 10 минут, в течение года. А вот упражнение на крупную артикуляцию, да еще “на скорость” (в последствии можно делать уже без зеркала, “по памяти”),- нужно делать ежедневно, 10-15 минут, в течение всех лет служения, чтобы поддерживать форму. К упражнениям на крупную артикуляцию необходимо прибавить еще и специальные упражнения для губ и языка. Это должны быть скороговоркой произносимые “неудобные” сочетаний согласных букв, например: тьрь-тьрь-тьрь-тьрь-тьрь; пф-пф-пф-пф-пф; фп-фп-фп-фп-фп; сш-сш-сш-сш-сш; шс-шс-шс-шс-шс; стр-стр-стр-стр-стр; сьльльсь-сьльльсь-сьльльсь-сьльльсь-сьльльсь, - или других сочетаний согласных букв, представляющих в данное время трудности для конкретного исполнителя, - у каждого ведь свои недостатки, и их нужно знать, чтобы исправить. Все эти упражнения для губ и языка, включая и

крупную артикуляцию, очень удобно делать “на ходу”, в дороге, чтобы сэкономить время.

Итак, занимаясь артикуляцией и не забывая при этом нашего предка, далекого от нас по времени, но близкого нам по сегодняшней нужде, - Демосфена, - мы с вами должны накрепко запомнить и привыкнуть к тому, что в храме, на службах, - нужно пользоваться исключительно - КРУПНОЙ артикуляцией!

ЧАСТЬ 3.

РАБОТА НАД ТЕКСТОМ.

“В основе церковнославянского, как и любого другого языка, лежит - мысль, т.е. целесообразность высказывания.”

Авт.

Мысль, как мы знаем, является одним из главных возбудителей чувства. Чем глубже и ярче мысль, - тем сильнее чувство, тем выразительнее речь. Каким же могуществом выразительности должна обладать речь священно и церковно- служителя, чтобы заечь сердца прихожан и вознести дух их ко Творцу – “Горе имеем сердца!” Что выражает церковная речь? Настроения? Эмоции? Страсти? Нет, она выражает исключительно – мысли и чувства, заложенные в богослужебные тексты их авторами, - святителями и преподобными. Из писаний святых отцов мы знаем, что молитва находит путь к нашему сердцу через ум. Сначала слова молитвы осознаются умом, а затем принимаются сердцем. Следовательно, сначала ум получает для себя пищу, которую он должен понять и усвоить. Этот процесс понимания и усвоения, если присмотреться, не такой уж длинный, с него мы и начнем. Для начала условимся, что неизменяемые тексты обиходных служб, - возгласы, молитвы, ектеньи, часы, псалмы, паремии,

Евангелия, Апостол, шестопсалмие, молитвы ко святому причащению, благодарственные молитвы по святом причащении, включая часто употребляемые тропари, кондаки, а также все требы, - мы, непременно, должны выучить наизусть. В противном случае, будучи на службах “привязаны” к книгам, мы не только не сможем глубоко проникать в смысл произносимого, чувствовать и молиться, - но и вообще полностью осознавать то, что произносим, - внимательное слежение за буквенным текстом отнимет все, и служба получится формальной. Свт.Феофан (Затворник) советует: “Заучите напечатанные молитвы и читайте их на память” и “Чем меньше будете зависеть от книжки, тем лучше.” (“Свт. Феофан(Затворник) “Научимся молтться”).

Так же и свт. Игнатий Брянчанинов наставляет: “Самое взирание на книгу рассеивает и отторгает ум от сердца - к внешности”. (свт. Игнатий Брянчанинов. Аскетические опыты.)

Книгу можно держать перед собой, открытой, - но только для того, чтобы заглянуть в нее в случае внезапной забывчивости, или когда могут отвлечь и сразу не получится вернуться к тому, на чём остановился, - вот в такие моменты и нужен служебник, часослов или молитвослов. Опыт показывает, что когда знаешь все наизусть, - перед тобой, как на ладони, весь ход мысли, и можешь предаться глубокому чувству и молитве, как о том нас учат и св. отцы.

Немногие из нас знают в совершенстве церковнославянский, поэтому при предварительном разборе текста, чтобы правильно можно было расставить смысловые акценты, нужно всегда иметь под рукой словарь. К нему хорошо бы приложить псалтирь в русском переводе, желательно П. А. Юнгера.

С чего бы мы с вами ни начали, - с псалма, с кондака, с апостола, паремии или тропаря, - нам нужно, если и не фундаментальное, - то хотя бы сносное знание об этом материале. Если мы читаем тропарь свт. Игнатию Брянчанинову, - мы должны прочесть, как минимум, об основных моментах его подвижнической жизни и что-то из его творений, чтобы иметь представление о том, что выделяет его среди святителей Русской Церкви. Если читаем тропарь свв. кнн. Борису и Глебу, - мы хотя бы в двух словах

должны прочесть о том смутном времени, в которое они жили, и о самих фактах их мученической кончины. Если нам нужно читать 50й псалом, - необходимо иметь, как минимум, представление о жизни св. пророка и царя Давида, и о мотивах написания им 50го псалма, а если будет возможность, - почитать о нем и более подробно, т.к. большая часть псалтыри написана им. Словом, для начала необходимы хотя бы элементарные знания, которые окажут существенную помощь при логическом разборе текста, и будут просто необходимы во время произношения на службе, чтобы наши слова не были пусты, но за ними мог бы стоять глубокий смысл.

1) ГРАММАТИКА И ЛОГИКА.

Некоторые советуют разбирать тексты с помощью грамматики. Тут и речевые такты, и противопоставления, и сравнения, и многословные понятия, и много чего другого. Но, во-первых, заставить себя снова засесть за грамматику нам - батюшкам, диаконам и чтецам – нереально. А во-вторых, грамматику изучают в школе в тех категориях, которые доступны пониманию детей, поэтому берутся простые примеры. Тексты богослужебные неизмеримо сложнее и требуют мобилизации более сложных ресурсов языкознания, главным из которых представляется - логика. У академика-языковеда Л.В. Щербы, у французского ученого Ш. Серрюса и у других мировых светил мы находим разные мнения о сочетании грамматики и логики, из которых следует, что логика и грамматика, как разделы соответствующих наук, изучают разные стороны единства языка и мышления, с разной глубиной и широтой охвата явлений. Грамматика имеет свои законы сочетания и отношений слов, а логика – свои. Отсюда видим, что формальные законы грамматики никак нельзя отождествлять с правилами мысли. Известный специалист конца XIX в. в области слова Д.Д. Коровяков пишет: “Попытки определить в тексте места логических ударений путем грамматическим - совершенно несостоятельны.” Возьмем

простой пример: фраза "Ну, я пошел!" Грамматически - прошедшее время, а по логике – настоящее. Логикой мы контролируем в нашей жизни не только житейские, бытовые, - но и глубоко нравствен- ные категории, поэтому естественно, что она еще в большей сте- пени необходима нам в разборе духовно высоких богослужебных текстов.

2) ГЛАВНЫЕ СЛОВА.

“Существенное свойство разумного чтения определяется логическим ударением, которое должно делаться на главной мысли в читаемом вообще, и, в частности, в каждом предложении”

“РУССКИЙ ИНОК” № 43, ОКТЯБРЬ 1911 г.

Идем дальше. Мы взяли псалом, и нам важно найти в каждом его предложении логическое ударение, т.е. главное слово, в котором заключен смысл этого предложения. Нахождение главных слов для начинающих иногда является камнем преткновения. Но здесь нет ничего сложного. Помните, мы говорили о целесообразности высказывания? Именно она подскажет нам течение мысли и нахождение главных слов. Очень помогут и жизненные, разговор- ные интонации, с которыми, как и в наших домашних молитвах, мы должны учиться произносить все, от псалмов и молитв – до Евангелия и Апостола, чтобы движение авторской мысли стало для нас очевиднее, и нам легче было бы найти точные смысловые акценты. Главным словом может оказаться любое из слов предложения, и чтобы отыскать его, следует анализом раскрыть авторскую мысль.

В простом предложении возможно только одно главное слово; в сложном или периоде, содержащем несколько предложений, но связанных одной общей темой, - их несколько, но одно из них самое главное. Вот отрывок из покаянного канона: “Ныне приступих аз грешный и обремененный к Тебе, Владыце и Богу

моему. Не смею же взирати на небо, токмо молюся, глаголя, - даждь ми, Господи, ум, - да плачуся дел моих горько”.

Этот отрывок состоит из трех предложений, имеющих каждое свои главные слова. В первом предложении “Ныне приступих аз грешный и обремененный к Тебе, Владыце и Богу моему” главные слова – «Тебе», «Владыце» и «Богу». Во втором “Не смею же взирати на небо, токмо молюся, глаголя” главное слово «молюся». В третьем “даждь ми, Господи, ум, - да плачуся дел моих горько” главные слова «ум» и «плачуся», но слово «плачуся» является главным еще и для всего периода, т.к. все предложения связаны между собой одной мыслью: человек приступил к Богу с просьбой дать ему разум, чтобы оплакать свои грехи.

Начало 50го псалма: “Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое”. В чем целесообразность этой фразы? В двух просьбах: – о помиловании, и об очищении от беззакония. В каких словах сфокусированы эти просьбы? Первая – в слове «помилуй», вторая – в слове «беззаконие». Ну, скажете вы, первая в слове «помилуй», - это понятно, тут прямая просьба, действие. Но почему вторая - в слове «беззаконие», а не в слове, например, - «очисти»? Ведь там и там – глагол, действие? Да, действие, но после слова «очисти» явно ощущается незаконченность мысли и встает логичный вопрос, - а что очистить? Напрашивается логичный ответ: Беззаконие! И тогда все на своих местах: главное слово – «беззаконие», а «очисти», в данном случае, - вспомогательное. “Наипаче омый мя от беззакония моего, и от греха моего очисти мя”. Главных слова два – «беззакония» и «греха». Почему? Потому что мысль автора сфокусирована на том, чтобы не просто омыть и очистить, но омыть и очистить, опять-таки - от чего? От беззакония и греха.

Далее: “Яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну”. На первый взгляд слова «беззаконие» и «грех» являются как бы главным предметом, о котором идет речь, - но по логике мысли в данном случае они выступают только как первопричина главных слов - «знаю» и «выну».

При поиске главных слов, если возникли сомнения, можно по очереди проверять на «главность» все слова предложения. При этом нужно помнить, что если из высказывания будет выброшено главное слово, - оно потеряет смысл.

3) ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ И ПАУЗЫ.

Несоблюдение знаков препинания – это вопиющее бескультурье, которое поощряет торопливость и «пробалтывание» текста, лишает его всякого смысла. Их соблюдение требует особого внимания, т.к. они требуют для себя обязательных мгновенных или более длительных остановок - пауз.

- Если поставлена точка, - это говорит об окончании мысли, тут делается обычная по смыслу пауза.

- Если поставлена запятая – это указывает на завершение только части высказывания, здесь будет мгновенная, как бы перехват дыхания, люфт-пауза.

- Если поставлена точка с запятой – это обозначает завершение только одной из мыслей, заложенных в предложении, и делается короткая пауза.

Иногда в одном периоде встречается много предложений, и соответственно - главных слов, запятых, пауз. Так, например, в первом периоде молитвы св. Василия Великого из "Последования ко святому причащению", которая длится почти целую страницу. Какими должны быть здесь паузы? Чтобы верно выразить смысл высказывания всего периода, нужно определить смысловую связь между отдельными предложениями его, которые, дополняя друг друга, выражают главную мысль. Там, где заканчивается каждое предложение, стоит запятая. Значит, нужно делать мгновенную, как перехват дыхания, паузу. Но нужно обязательно учитывать, что предложения между собой по смыслу не равнозначны, и главные слова в них, соответственно, - тоже. Поэтому и паузы будут: одни – короче, другие – длиннее.

4) ГОЛОСОВЫЕ АКЦЕНТЫ.

Главные слова требуют во время произношения очень корректного, легкого, но достаточно убедительного акцентирования по сравнению с произношением остальных слов. Способов такого акцентирования несколько:

- 1) легкий голосовой нажим на главное слово,
- 2) очень короткая (как бы перехват дыхания) пауза перед главным словом,
- 3) средняя (психологическая) пауза перед главным словом,
- 4) замедление в произношении главного слова, как бы “растягивание” его в длительности, и удвоение (в особых случаях) произношения согласных звуков в ударном слоге главного слова.

При этом остальные слова во фразах обязательно произносятся более подвижно, бегло.

5) ЧТЕНИЕ И МОЛИТВА.

Чтение в храме только условно можно назвать чтением, т.к. еще с апостольских времен чтецы “подобно евангелистам, своим чтением наполняют уши неразумющих, и содействуют восприятию и уразумению ими Слова Божия.” Какое же это чтение? Это скорее проповедь или молитва, но, во всяком случае, - не формальное, безучастное чтение. Но тогда понятны слова прп. Иоанна Кассиана Римлянина и св. Афанасия, которые советуют нам произносить слова, например, псалмов, не как чужие, а как – свои собственные. Псалмопевцы, говорят они, излагают свою речь как бы от лица читателей, сливая свою душу с их душой и сердцем. От этого и произошло то, что читающий и поющий псалмы, читает и поет не чужое, а - свое, сказанное от себя, и - о себе. (Послание к Маркеллину. с.11). Но это, согласитесь, меняет дело, и мы с вами, произнося слова псалма “Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей”, должны произносить их не опосредованно, от лица автора, как это обычно делают, но - от себя лично, произнося их

из глубины - своей души, от - своего сокровенного «Я».

Получается, что не кто-то, а – я, именно я, хотя и словами псалмопевца, - прошу, умоляю, славословлю и благодарю Господа! Прочитаем слова: “Наипаче омой мя от беззакония моего и от греха моего очисти мя” и подумаем: Давид просил о грехе, совершенном им в отношении Урии Хеттеянина. Так что же, и нам просить о давидовом грехе? – Нет. Святые, ссылаясь на псалмопевцев, советуют просить - о своем! Значит, и нам с вами нужно, помня о вообще тяжком греховном состоянии своей совести, просить - о своем беззаконии и о своих грехах. И это будет, по словам свт. Афанасия (Сахарова), “ глубоко интимная беседа души богоподобной - с Самим Богом “, т.к. мы, от своего сокровенного “Я”, не отвлеченно, - а уже реально будем просить у Господа милости, помощи и защиты, т.е. – молиться.

Этому поможет обращение в молитве к Богу или святому живыми, жизненными интонациями, как при исполнении нашего домашнего правила, потому что в домашней молитве, когда мы один-на-один с Богом, обращаться к Нему «читком», монотонно, - нелепо и противоестественно. Дома мы стараемся молиться, вкладывая всю душу в слова молитвы, и этим возбуждаем в себе молитвенный дух, т.к., по слову свт. Феофана (Затворника), молится без чувства, - благодарности ли, умиления, покаяния или других чувств – невозможно! И что даже само чувство к Богу или святому, хотя и без слов, - уже есть молитва! Тогда только и сможет появиться истинный молитвенный дух, а не его призрачный эрзац. Но сам по себе ведь молитвенный дух и предшествующие ему чувства появиться не могут. Эти чувства возникнут в душе только как ответ на правильно понятые разумом мысли, заключенные в словах молитв, псалмов, возгласов. Но на службах наше произношение будет иным, т.к. в храме, где стоят люди с разными характерами и неодинаковым духовным устройением, - мы не можем произносить слова молитв с нашими личными интонациями. Но, в то же время, мы не имеем

права произносить их и формально, просто втискивая их в прокрустово ложе принудительной монотонности, и делать в них не продуманные, а делаемые по какому-то неосознанному «наитию» акценты, как это обычно бывает. Мы должны ими, по словам апостолов, святителей и преподобных, - разумно назидать, наставлять, увещевать и проповедовать, да еще и возносить сердца прихожан «горе», так? Решение этой проблемы, как показала длительная практика, заключается в последовательном выполнении простейших трех задач:

- 1) сначала мы с вами должны разобрать все тексты, употребляемые на службах, определяя в них движение авторской мысли посредством выделения главных слов;
- 2) затем научиться произносить их на память, выражая в них авторскую мысль с помощью этих самых главных слов, но произносить их, используя исключительно – жизненные, разговорные интонации, как в наших домашних молитвах, чтобы движение авторской мысли стало для нас очевиднее, и нам легче было бы найти точные смысловые акценты. Это будет наша с вами предварительная, «базовая» подготовка - к последнему, третьему шагу;
- 3) последний, заключительный шаг, будет таким: мы с вами произнесем одну фразу молитвы или псалма нашими простыми, обиходными, жизненными интонациями. Повторим этот отрывок несколько раз, чтобы привыкнуть к высказыванию в нем мысли и замечая при этом, что речь наша - подвижна, т.е. ритмически разнообразна. А вот теперь (внимание!) - снова повторим фразу, так же высказывая мысль с помощью этой подвижности и этого же ритмического разнообразия, но - на одной ноте! Мы услышим высказанную нами мысль в совершенно другом качестве, т.е. не с обычной игрой голоса, а в - «монотонном» ее звучании, но по-прежнему подвижную, т.е. ритмически разнообразную. Зафиксируем и запомним на слух само своеобразие этого

звучания. У нас (если запишем себя на диктофон и послушаем), получилась теперь не мертвенно-ритмичная (произносимая монотонности ради), а подвижная и поэтому осмысленная человеческая речь. Эта речь способна сохранить в Евангелии, псалмах, молитвах - и нужный тон просьбы, и убеждение, и всю сердечность благодарности, всю торжественность славословия, всю убедительность назидания, и всю живость рассуждения. Это уже не будет обезличенный, лишенный всякого смысла, «читок», который всегда, - и в древности, и в более поздние времена, являлся лишь – малой частью общей чтецкой палитры, В то же время никакой эмоциональности или чувственности, называемой обычно «страстностью», здесь быть просто не может, т.к. само произношение на одной и той же ноте, лишенное голосовых интонаций, не даст к этому ни малейшего повода или возможности. Опыт такого произношения в разных храмах и монастырях показал, что прихожане тут же «включаются» и начинают внимательно слушать службу и молиться.

Теперь подведем небольшой итог. Мы с вами познакомились с той частью практического курса богослужебного чтения, которая помогает приобрести навык внятного и осмысленного произношения богослужебных текстов. Это - тот минимум, который необходим нам для службы. На этом этапе можно и остановиться, - но только тем, у кого нет музыкального слуха. Тем же, кому Господь его дал, нужно двигаться дальше и научиться произносить все, положенное по службе, - распевно, традиционным литургическим (псалмодическим) речитативом, о котором пойдет речь в следующей главе. Этот путь рассчитан на наличие у церковно и священнослужителей пусть и не развитого, но все же слуха, способного повторить движение простой мелодии и уловить простой ритм. Труд и терпение, как показывает опыт, - довершат дело.

6) ЛИТУРГИЧЕСКИЙ РЕЧИТАТИВ И ИНТОНАЦИЯ, ВЫРАЖАЮЩАЯ МЫСЛЬ.

“Выражая общее молитвенное настроение, интонация содействует ясности и вразумительности читаемого текста, а с другой стороны - не допускает произвольного, а тем более страстного выражения личных чувств читающего, а также приемов чтения, - чуждых важному содержанию, духу и характеру церковного богослужения”.

Прот. И. Вознесенский. (XIX век).

Традиция богослужебного напевного чтения не исчезла совсем. Тонкой ниточкой она продержалась в советские годы, и сегодня ее еще можно услышать в служении духовенства преимущественно старшего поколения. Однако все более заметно, что священнослужители среднего и молодого поколения "звучат" как-то иначе, что-то нарушилось в механизме передачи традиции. Люди годами могут служить рядом с ее носителем и ничему от него не научиться, однако искаженные варианты интонирования и произношения, услышанные от сверстника, перенимаются достаточно быстро и легко.

Собиратель литургии, свт. Иоанн Златоуст, толкуя “Послание к Колосянам” и как будто духом прозирая наши сегодняшние проблемы с распевным произношением, говорит нам о связи музыки с «боговдохновенным» текстом. Связи, обусловленной, по его мнению, - **“тесными смысловыми контактами между словом и мелодией”**. Что это за **“тесные смысловые контакты”**? Думается, что святитель имел ввиду совмещения мелодических акцентов со смысловыми, т.е. с ударными слогами главных слов. Именно это является главным условием для донесения смысла в распевном произношении, где простейшая мелодия состоит из трех-четырех звуков и вращается в пределах

примы, секунды верхней, секунды нижней и терции нижней, считая от основного тона “до” (до-ре-до-си-ля). Звуков может быть меньше, но не больше. Таков неписанный закон православной псалмодии, закрепленный обычаем, который и наши опытные церковнослужители, и многие из молодых служащих знают, но правильно применить его – не умеют. Обычно акцентируют мелодией спонтанно, непродуманно импровизируя, и поэтому смысл произносимого - искажается. Но ведь здесь нет ничего сложного. Нужно сначала найти главные слова, а затем постараться ударные их слоги сакцентировать движением этих трех – четырех нот, как это делали наши предки в древности. Они, по словам известного специалиста в области древнерусского пения и чтения, профессора Т.Ф.Владышевской, - импровизировали, **приспосабливая мелодические акценты к смыслу текстов.** Нам с вами нужно пропеть, скажем, начало псалма: «Господи, что ся умножиша стужающии ми, мнози возстают на мя, мнози глаголют души моей: несть спасения ему о Бозе его». Главные здесь слова: «Господи», «умножиша», «возстают», «души», «несть». (нотный пример)

Точное распевное произношение позволит нам быть достаточно выразительными, «спрятавшись» за логику мелодической интонации, поскольку сама интонация, совмещенная с главным словом, - уже логична, а значит - несет в себе неповрежденную авторскую мысль, что подтверждает и исследователь древнерусского чтения и пения, прот. И. Вознесенский.

В заключение нужно сказать еще об одной, чрезвычайно важной особенности, мешающей служителям всех рангов быть выразительными при распевном произношении. Как показала практика, эта особенность заключается в неправильном понимании самого смысла слов «чтение на распев». Дорогие батюшки, диаконы, чтецы и певчие! Чтение, а правильное сказать, - произношение «на распев», отнюдь не означает - пение. Это не вокал, который встречаешь обычно в наших храмах и монастырях, и которому учат в семинариях преподаватели пения, обычно люди светских вокальных профессий. Это не пение, а – **произношение слов на нотах** мелодии. Понятие о вокале вообще пришло в Россию из

Италии, где с древних времен было принято любоваться, в основном, голосом и переливами его. В России же всегда, еще с былинной древности, доминировало - **слово**, поэтому никогда не пели, как в Италии, а - напевно говорили. Распевно произнесенное слово лежит в основе всего древнерусского церковного пения и всей системы древне-русского церковно-певческого искусства. И. И. Вознесенский в одной из своих работ отметил, что церковное пение сходно с чтением нараспев, их отличает лишь напев - более краткий и простой по своему музыкальному построению, или более протяжный и развитый. Это не вокал, где и вся забота-то - об однородности всех гласных, да о кантиленном (непрерывно-слитно-протяжном) их звучании. Музыкальное строение, структурные закономерности распевного чтения особенно близки к наиболее простым древнерусским хоровым речитативным церковным распевам - простейшим видам осмогласия - малому знаменному распеву, подобным. Это особенно нужно знать диаконам и певчим, которые обычно «болеют» вокалом.

Досточтимые батюшки, господа диаконы, чтецы и певчие!
Храм – это не опера, и мы с вами не Карузо и Батистини. Пример брать лучше с Шаляпина, который как раз тем и отличался от других мировых светил, что не пел, а напевно произносил, и этим покорила весь мир, но покорила его – именно своей фразировкой, которая сразу пропала бы, начни он вокализировать, и которая выделяет и по сей день его из среды басов всех времен. В храме мы с вами должны распевно говорить на нотах, а не петь! Это будет совершенно другой, правильный подход к тексту. И еще: нужно распевно произносить гласные, но особенно - согласные, чтобы иметь возможность выразить слышимый **образ слова**, все своеобразие его фонетики. Только тогда, при распевном произношении, на первом месте у нас будет стоять не вокал, - а Слово Божие.

7) ДЕЙСТВИЕ.

Как вы думаете, можно ли назвать сильное душевное чувство – действием? Действенным ли было слово “милостив” в молитве мытаря, когда он, плача и стеля, бил себя кулаком в грудь : “Боже! Милостив буди мне, грешному!”?

Действенным ли было слово “Помилуй”, начинающее 50й псалом, и какую силу имело действие в душе Давида, когда он писал слово “не обретеса” во фразе “Искусил мя еси, - и не обретеса во мне неправда!” ? Будет ли сильным, хотя и скрытым душевным действием, произносимое в начале шестого часа «Приидите, поклонимся», несущее в себе одновременно и призыв, и требование, и приглашение, и просьбу? Если мы с вами согласимся с тем, что приведенные примеры не что иное, как именно - действие, вызванное сильным душевным чувством, то придем к выводу, что и произносить их нужно соответственно их смыслу, - или уверенно, или настойчиво, или с утверждением, - но всегда **с живым чувством**, иначе мы с вами никогда не достигнем той цели, ради которой эти прекрасные слова были написаны.

8) ТЕМП И РИТМ БОГОСЛУЖЕНИЯ.

И, наконец, о последнем, «собирательном» свойстве богослужебного процесса, - о темпе и внутреннем ритме богослужений. Темп и ритм – это их душа. У о. Павла Флоренского в статье «Наброски о богослужении» есть такие слова: “У каждой части службы есть внутренний, присущий ей ритм и темп, и если эти последние соблюдены, то чтение, пение, возглас, молитва производят свое молитвенное действие на душу молящегося. Так, наиболее медлительные части богослужения - священнические возгласы «троичного» содержания, шестопсалмие, начала ектений, особенно великой, это — *grave, lento*.

Акафисты, каноны вычитываются быстрее, – так, приблизительно, - *andante, andantino*.

Кафизмы – еще быстрее; только «аллилуиа» петь и читать должно медленно и растягивая на конце, так: «ал-ли-ллу-и-а-а», но ни в коем случае не коротко «аллилуйя». Впрочем, в разные времена церковного года, в дни памяти различных святых или событий служба, конечно, получает свой, особый темп.”

К этому мы с вами прибавим: - И внутренний ритм, т.к. темп службы – это ее внешняя форма, а внутренний ритм – это ее содержание, молитвенный поток, выраженный в последовательности разумно произнесенных псалмов, возгласов, прошений и молитв.

Автор, во время занятий с чтецами, постоянно слышит от них одни и те же слова: “Настоятель заставляет читать быстро”. Друзья мои! Если разобраться, то эти понуждения не всегда являются у настоятелей стремлением просто быстрее закончить службу, но часто бывают от внутреннего желания как-то улучшить ее, придать ей живость, значимость, - хотя бы и за счет внешнего темпа. Вот тут-то настоятелю и помогут упражнения в ритмичном, но логически-осмысленном произношении, содержащиеся в данном курсе, которые он может успешно рекомендовать чтецам для усвоения.

9) ЧУВСТВО И ЧУВСТВЕННОСТЬ.

Архим. Рафаил (Карелин) так говорит о недопустимости эмоциональной чувственности в храме:

“Литургия это тайна, а тайну переживает сердце во внутреннем безмолвии. Священнослужитель в определенные моменты литургии становится символом Христа, именно символом, знаком, а вовсе не картиной Христа, где вместо красок употребляются стоны и вопли, чтобы подчеркнуть несуществующее сходство. Эмоциональность на богослужении похожа на облако, закрывающее духовный свет. Священно или церковнослужитель (т.е. чтец), считающий в глубине души, что может показать через собственную персону величие литургии, становится ее профанатором.”

Хотелось бы еще прибавить, что мышление человека не строго

логическое. В нем отражаются и эмоции, и желания, и характер человека. Поэтому каждый, особенно “новоначальный” служащий, будь то священник, диакон или алтарник, во время общественного богослужения должен строго контролировать свои чувства, чтобы не впасть в соблазн услаждения тем, - какой хороший у него голос, или как он с чувством говорит, или как внимательно, и как будто с восторгом смотрят на него сотни глаз. Обычно в этот момент “новоначального” подсознательно, но властно охватывает ложное ощущение собственной значимости и т.п. Помочь здесь может только предельная сосредоточенность на высказывании мысли в произносимых словах. Именно это может освободить речь от эмоций.

Но если молитвенной речи чужды эмоции, то без чувства она не может существовать. Оно ей необходимо. Как же сохранить это живое чувство и не впасть в ложную чувственность и страстность - эмоцию? Давайте представим себе, - как мог обращаться Аарон к иудеям, передавая им слова косноязычного Моисея? Выражал ли он в своей речи мысли, высказываемые ему Моисеем? Безусловно. А сопровождалась ли его речь какими-то чувствами? Конечно, слова Моисея трогали сердце Аарона. Они трогали и рождали в нем соответствующие чувства! Какие? От сознания того, что Моисей – избранник Божий, а слова его, - это слова Самого Бога, – чувства его, вероятно, не лишены были священного трепета, благоговения и умиления. Следовательно, эти чувства выражали его отношение к словам Моисея и были рождены этими словами. Вот так и мы, произнося в храме слова возвышенные, возносящие дух ко Творцу, - должны сосредоточиться на их божественном сиянии и возбудить в своем сердце чувство трепета, благоговения и умиления к этим словам. А поскольку чувства эти, по сути своей, смиренные, - эмоций и вульгарности здесь не будет и следа.

10) ОТДЕЛЬНЫЕ СОВЕТЫ СВЯЩЕННИКАМ.

Прежде всего, утрачена важность и неспешность произнесения текстов Священного Писания, плавность и особая величественная пластика движений ("проживание" поклона, поворота, благословляющего жеста, каждения, "наведения ораря" и т.п.). Достойное исполнение этих, казалось бы, внешних атрибутов создает торжественную атмосферу службы и сильно влияет на внутреннее устройство молящихся. Чтение Евангелия, Апостола – одно из ярких и торжественных кульминаций богослужения – совершенно теряет свои краски и выразительность, если оно не выделено особой манерой произнесения в интонационном единстве с богослужебным певческим обиходом. Всегда крайне важно начало литургии. Возглас "Благословенно царство Отца и Сына, и святаго Духа, - ныне и присно, и во веки веков". Здесь мысль сконцентрирована в словах "Благословенно", "Отца", "Сына", "Духа". Слова "Отца", "Сына" и "Духа" предстоятели обычно голосом акцентируют. Но в то же время все почему-то акцентируют, да еще гораздо сильнее, слово «царство», которое в данном случае – вообще второстепенно. А вот на слове «Благословенно» - никто и никогда. По мысли свт. И. Златоуста, оно как раз - самое главное слово, ибо специально приставлено к слову "царство", чтобы показать его свойство. Поэтому главный голосовой акцент нужно ставить именно на нем, иначе смысл возгласа искажается, и народ церковный его не понимает! Дальше идут слова: "Отца и Сына, и святаго Духа". Обычно предстоятели «слиговывают», т.е. соединяют звуком эти слова, и получается одно слово: "отцаисынаисвятагодуха". От этого слияния острота смысла теряется, и если некоторые думают, что это не так важно, то скажем, что если бы это действительно было не важно, св. Златоуст сказал бы не "Благословенно царство Отца и Сына, и святаго Духа", а "Благословенно царство Божие". Но он, желая с самого начала службы «поставить все точки над «і», дал предельно точную характеристику этого Царства, подчеркнув, что Царство это – Царство именно Отца, Сына и Святаго Духа! Поэтому и нам с вами звук нашего голоса после слов "Отца", "Сына" и "Духа" нужно прерывать, давая возможность прихожанам уяснить себе именно триипостасное свойство

Царствия Божия. А дальше – “Ныне и присно” можно звуком соединить, и “во веки веков” – тоже. И так, подробно по мысли, нам с вами нужно пройти все возгласы и молитвы, - включая, конечно, и тайные. В конце данного курса дан служебный материал с уже подчеркнутыми главными словами, которые упростят дело.

Теперь об акустике в храмах. Пение хоров совершенно невнятно и неразлично тогда, когда они находятся вверху храма, «на хорах», или за преградой иконостаса. Звук тогда «гуляет» под сводами, получается сумбур из слов. По Н. И. Брунову, первоначально (в раннем средневековье) хоры предназначались для представителей княжеского рода и высших слоев общества. По Е. Е. Голубинскому — для женщин и оглашенных. По Заграевскому, полати в древнерусских храмах (как в Западной Европе и в Византии) не имели специального предназначения и были самодостаточным архитектурным феноменом, но никак не для размещения на них певчих. К находящимся в алтаре пение хора может слышаться внятным по двум причинам: 1) мы с вами знаем наизусть повторяющийся в службах певческий материал, т.к. сами когда-то пели в хоре, поэтому неясно слышимое в подсознании дополняем собственным знанием стихир, тропарей и проч. 2) Звук от хора, находящегося “на хорах”, летит по прямой в алтарь, но - вниз, в зал, к молящимся, доходит после своего отражения от иконостаса и множества предметов, включая большие киоты с иконами, обычно прикрывающие амвон слева и справа, - доходит, вследствие дифракции, - сильно измененным, так что слов уже не разобрать.

И еще одна беда нашего времени. Храмы, по своей архитектонике, - обычно имеют идеальную или близкую к ней акустику.

Невладение служителями правильным голосообразованием и элементами крупной артикуляции, обеспечивающих полетность звука и отчетливость речи в больших помещениях и на большой аудитории, понуждают настоятелей к радиофикации храмов.

Уважаемые батюшки! Как вы думаете, в старые времена в этих же храмах, где служите теперь и вы, - были хорошо слышны голоса

служителей? Даже и думать не надо: - конечно, были! Так что же изменилось? Акустика? Нет, изменились вы. Вы не даете себе труда заниматься голосом и крупной артикуляцией. А эта искусственная радиофикация убивает всякое живое чувство и молитву, т.к., дезорганизуя естественную слуховую ориентацию человека в пространстве, превращает живое слово в некий виртуальный продукт, в основе своей - условный. Слыша микрофонный, а не живой голос, (к тому же исходящий явно не из всеми видимых уст священника или диакона, а откуда-то со стороны), - прихожане вынуждены принимать эту условность. Далее она, по законам практической психологии, (где подсознание знает одну только правду, лишённую уловок, свойственных сознанию), автоматически переходит на все то, что они слышат в храме. В результате: неестественен источник звука, меняется и восприятие информации, исходящая из него.

Во вновь построенных храмах, чтобы избежать реверберации звука, необходимо ставить чтеца не под куполом, а отодвинув его назад от точки центра под куполом - на расстояние, не меньшее диаметру барабана центральной главы.

Теперь о проповедях. Уважаемые батюшки! Проповеди, читаемые вами по книгам, а не произносимые от себя, не только не вызывают к вам у паствы доверия, но даже, в какой-то мере, и уважения. Даже если вы читаете по своему собственному конспекту, о чем паства не подозревает. В монастырях, когда проповедь говорится не паломникам и прихожанам, а своим, монахам, - можно читать. Но наместнику лучше ее произносить от себя.

И ещё одна важная деталь, которую постоянно встречаешь в храмах, и о которой говорит архим. Рафаил:

“Алтарная перегородка, называемая иконостасом, подчеркивает, что все происходящее в алтаре храма во время литургии - сакрально, и не должно стать общедоступным и тривиальным. Тайные молитвы – это принадлежность иерархии, об этом говорится и в священных текстах. Если священник громко произносит их, то миряне включаются в это чтение, повторяют слова молитвы в своем уме, и тем самым становятся

незаконными, если не совершителями, - то сослужителями таинств”.

11) ОТДЕЛЬНЫЕ СОВЕТЫ ДИАКОНАМ.

Самая распространенная ошибка - делать акцент на последних словах прошений - «помолимся» и «просим». Происходит это от желания избежать паузы между словами, оканчивающими прошения, и ответными словами хора: «Господи, помилуй», «Поддай, Господи» и «Тебе, Господи». Диакон обычно тянут голосом эти последние «помилуй» и «просим», этим автоматически снимая нужный акцент с главных по смыслу слов, и перенося его на слова второстепенные. В головах у прихожан только и остается “помолимся” да “просим”. А смысл - **о чем** помолимся и - **чего** просим, - пропадает. Об этом постоянно напоминали отцы еще в прошлых веках, говоря: “Что же ты все время “помолимся” да “просим”? Ты скажи – о чем помолимся, и - чего просим.”

Господа-диаконы! Каждое прошение ектеньи имеет свое главное слово, выражающее его смысл! Оно и должно быть акцентировано вашим голосом, иначе слушающие, как бы ни старались, - не поймут ваших призывов. Как искать главные слова в ектенях? Возьмем прошение из мирной: “О свышнем мире и спасении душ наших Господу помолимся”. Союз «и» делит его на две части, на две мысли. Первая мысль, отвечая на вопрос: “О каком мире?” - естественно, выражается главным словом “свышнем”; вторая, отвечая на вопрос: “О чем?”, - выражена главным словом “спасении”. Произнося это прошение, нужно после высказывания первой мысли сделать короткую паузу-цезуру, как бы перехват дыхания, а затем произносить следующую мысль. Многие диаконы, не задумываясь, делают голосовое ударение на разных словах, иногда даже на слове «наших», что рождает законный вопрос: “Только **наши** души пусть спасет Господь, а остальные что, - пусть погибают?”

Многие диаконы, особенно голосистые, при произношении апостольских посланий и на вечерней литии, копируют слышанную у своих братьев манеру поднимания по полутонам

интонации на каждой фразе. Характерно, что появилась эта манера уже во времена упадка отечественного церковного искусства, во время так называемого “синодального периода.” Апогея же своего достигла во времена возникновения “московского культа протодиаконства”, в служении знаменитого архиерея Константина Васильевича Розова. Но если его величественный, возвышенный стиль служения и благоговение перед святыней алтаря Господня были очень высокой и недостижимой мерой даже для московского духовенства всех рангов, не исключая епископского, - то у теперешних диаконов, не имеющих такого редкого таланта от Бога, эти апостольские послания напоминают не послания, - а бычий рев, не имеющий ничего общего с сердечным, молитвенным обращением к сердцу прихожан. Это – фальшь, чисто театральная эффектность, желание выразительно сказать слово, - не обращаясь к сокровенной глубине его, - а только за счет внешнего эффекта. Нужно всячески избегать этого, это разрушает молитвенный строй службы и не принимается верующими. Можно все это произносить и при помощи простого речитатива, но с подлинно отеческим наставлением и сердечным теплом.

12) ОТДЕЛЬНЫЕ СОВЕТЫ РЕГЕНТАМ.

Большую часть в службах, как мы знаем, занимает пение. Выражая боль и думы многих прихожан, в том числе и служителей, игумен Никон (Смирнов) в докладе, сделанном им на семинаре регентов и преподавателей церковного пения духовных заведений Русской Православной Церкви, говорит: “Место самобытного, русского, сугубо молитвенного знаменного пения - давно занял чуждый русскому духу западный партес. Далеко зашедшее “обмирщение” церковного пения, сломав рамки его древних канонов, открыло дорогу произволу новых “творцов”, так что в их сочинениях мелодические аккорды услаждают уши, а не дух, а слова и их сочетания повторяются зачастую по 2, 3 раза

подряд, создавая бессмыслицу. В партесе Слово, без которого нет и песнопения, - отдается в жертву мелодии”.

Уважаемые регенты! Если не хватает собственного опыта или нет согласия настоятеля перейти на молитвенное знаменное пение, то при выборе «партесного» репертуара хотя бы избегайте сложных по форме и драматургии произведений. Ищите самых простых, написанных в среднем регистре. Все должно звучать задушевно, молитвенно, не громко. Форте допускается не движениями ваших эмоций, или произволом композитора, - а только в строго обусловленных моментах больших праздников, которых немного. Научите певчих хорошо открывать рот, правильно артикулируя гласные и удваивая согласные. Это легко сделать, если поставите перед ними самую нужную и простейшую задачу: **не петь, а говорить на нотах**. Категорически недопустимы в церковных хорах женские голоса оперного характера, с крупными “качающимися” обертонами. Здесь нужны простые, «прямые», не «вокальные» голоса. Бытовые, не резкие по тембру, которые хорошо бы сливались друг с другом. Такие обычно встречаешь у дирижеров-хоровиков и просто мирян.

И еще. Господа-регенты! Ваша с хором святая обязанность, чтобы не было пауз, – вовремя «подловить» диакона, заканчивающего прошение, - вашими ответными словами. Вы постоянно «наступаете» ими на диаконские прошения, этим не давая народу услышать почти половину диаконских слов. Это недопустимо! Одно дело, на заупокойной ектеньи, - очень тихое, фоном звучащее, буквально прозрачное «Господи, помилуй!», а совсем другое дело – заглушать хором диаконские призывы к народу. Да и вообще сделайте главной целью ваших трудов в храме самое Божье дело, – максимально привлечь и приучить к пению самих прихожан, выбирая простейшие напевы. Поучительный пример для всех нас – общее пение в московском храме св. ап. Фомы, где прихожан без особых трудов приучили петь всю хоровую палитру еще при жизни их настоятеля, о. Даниила Сысоева, для чего всем роздали по брошюрке с

последованием вечерни, всенощной, утрени и литургии. Это сплотит прихожан и обеспечит поистине молитвенный дух на службах, - так ведь служили раньше по всей матушке России.

13) ОТДЕЛЬНЫЕ СОВЕТЫ ЧТЕЦАМ.

Но как, спросите вы, возбудить в своем сердце чувство трепета, благоговения и умиления? Просто так, взять - и наполнить свое сердце чувствами, «по заказу», т.е. именно тогда, когда нам это нужно, - мы не сможем. Сердце свободно, - ему, как говорится, «не прикажешь», однако надо помнить, что все высокие чувства рождаются в нем исключительно как результат мыслительного процесса и глубокого внимания к предмету высокодуховному. Глубина же и характер этих чувств, равно как и градус молитвы, - целиком соответствует нашему с вами духовно-нравственному состоянию.

ЭПИЛОГ.

Подведем итог. Мы с вами прошли путь от момента начала логического разбора богослужебных текстов - до их воплощения в произношении на службах. Тут было и дыхание, и звук, и крупная артикуляция, и поиск разговорных интонаций, и еще многое, способствующее осмысленному и сердечному, а не формальному произнесению в храме. Также дан вспомогательный материал и конкретные советы батюшкам, диаконам, чтецам, регентам и певчим, которые помогут улучшить наши богослужения, создав прихожанам условия для молитвы.

Автор - преподаватель богослужебной
риторики Николо-Угрешской духовной
семинарии Николай Акимович Стрелецкий.
Тел.: +7 (910) 422-53-56).

При составлении Краткого курса практических занятий по богослужебному чтению были использованы материалы:

- Богослужение в православной церкви. ч.2.
Епископ Афанасий (САХАРОВ) “О красоте православного богослужения”
Свт. Иоанн Златоуст “Послание к Колоссянам”.
Св. Афанасий “О псалмах в “Послании к Марцеллину”.
Прп. Иоанн Кассиан Римлянин “Псалмы”.
П.А.Юнгеров “Русский перевод псалтыри”.
Игнатий (Брянчанинов) свт. «Слово о молитве умной и гласной». «Аскетические опыты». Собрание соч., т. II. М.: «Благовест», 2001.
Владышевская Т.Ф. Чтение нараспев священных текстов. Ранние формы древнерусского певческого искусства. Часть 2
Успенский Б.А. Архаическая система церковнославянского произношения (Из истории литургического произношения в России). М.: Изд-во МГУ. 1968.- 156 с.
Гарднер И. А. Богослужебное пение Русской Православной Церкви. М.: ПСТБИ, 2004 (2 тома).
Загребин В.М. Исследование памятников южнославянской и древнерусской письменности. М.— СПб.: Альянс-Архео, 2006.
В.Мартынов “Пение, игра и молитва в русской богослужебно-певческой системе” (М., “Филология”, 1997),
Кутузов Б. П. “Экфонетика в православном богослужении. О тысячелетней традиции русского богослужебного распевного чтения”. Журнал Московской Патриархии 1999, № 7.
Ю.К.Арнольд “Теория древнерусского церковного и народного пения на основании автентических трактатов и акустического анализа” М. изд. Православное обозрение. 1880г.
Журнал “РУССКИЙ ИНОК” № 43, ОКТЯБРЬ 1911г
И.Сахно. Песнопения Постной и Цветной Триодей русской (столповой распев) и византийской традиций.
Большая Советская энциклопедия.
Р.Кольер. Энциклопедия.
Академик-языковед Щерба Л.В. “Психолингвистика, лексикография и фонология”.
Ш.Серрюс “ Опыт исследования значения логики”. Изд.2.
Коровяков Д.Д. Искусство выразительного чтения.

Журнал “Пастырский собеседник”, 1900 г., № 7.

“О церковности богослужебного пения”. Доклад игумена Никона (Смирнова) на семинаре регентов и преподавателей церковного пения духовных учебных заведений РПЦ.

Заграевский С. В. О предназначении полостей в древнерусских храмах